Дверь открыла Рита. Держа в руках мобильник, слушала в наушниках музыку. Обняла бабушку:

- Бабуль, располагайся! Рита взяла сумку и поставила на тумбочку в прихожей.— Есть чего вкусненького?
  - Я там тебе конфеток собрала, яблочки.
  - Чай поставить? Будешь?
  - Попозже. Ты уже из школы?
  - А? Рита освободила одно ухо.
  - Вы что уже отучились? повторила Мария.

Рита отмахнулась:

- Нет, сегодня конференция, мы не учились! Сейчас девчонки придут. Уроки сделаем, потом на треньку поедем! Родители к семи вернутся. Давай тебе телек включу?
  - Не надо, я просто посижу. Пообвыкнусь! Как там отец с мамой.
- У отца завал на работе. Проверка на проверке. У мамы отчеты. Короче, я сама по себе.
  - Бедная моя девочка!
- Чего, бабуль, я бедная, наоборот в кайф! А то сейчас немного освободятся, и начнется учи то, учи это! А то ты их не знаешь! Все хотят, чтобы их дочь профессором стала. Репетитора наняли по английскому.

Немного поболтав с бабушкой, Рита ушла в комнату, заниматься своими делами. Мария начала разбирать сумку.

У сына в квартире хорошо. Печку топить не надо. Рита сказала — евроремонт, а кажется — комната в музее.

Когда сын и сноха пришли с работы, сели ужинать.

Сноха Маринка приняла свекровь любезно, но без видимого энтузиазма.

- Мария Петровна, крепитесь! Не вы первая, не вы последняя!
- В доме воду слили? спросил сын.
- Слила. Ведрами потихонечку вытаскала! ответила Мария, разглядывая морщинки на лице сына.

<sup>\*</sup> Главы из повести.

- Заметила на висках седые волосы, в точности как у отца. Повзрослел Коля.
- Про памятник не узнавала?
- В КБО заходила. Стоят и по десять тысяч, и по двадцать. К весне закажем, ко дню рожденья. И земля успеет осесть.
- Можно здесь взять. В выходные съездим, дом проверю. Вещи теплые забрать, телевизор со стиралкой...
- Ты помнишь, папа просил на даче помочь забор ему поправить! вставила Маринка. В голосе снохи прозвучала претензия.— Уже вторую неделю ждет...

Мария поспешила ее поддержать:

— Сынок, да мне не к спеху. Лучше съезди, помоги свату. У меня плащ теплый, на первое время хватит. Успеем еще!

Марии хотели постелить в комнате, где спали сын со снохой, но она запротивилась, изъявив желание лечь в зале на диване.

— Что я вас буду стеснять!

Мягкий уголок был немного жестковатым для ее костей, и она долго не могла к нему привыкнуть.

Взяла на себя готовку. К приходу домочадцев обед или ужин старалась подать горячим. Маринке не угодишь. Та еще фифа — то ей салат крупно порезан, то котлеты ей кажутся не прожаренными. И во всем так. К машинке стиральной лучше не подходить: автомат какой-то. Позже Маринка стала часто говорить:

— Мама, ничего не готовьте, не надо. Я приду с работы, заранее закажу пиццу, роллы и суши! Сразу с доставкой домой! Вам обязательно понравится!.. Ритка обожает.

Или еще хуже — придет с работы, принесет с собой шаверму какую-то. «Тьфу, гадость!» — отплевывалась Мария.

Мария первое время обижалась на сноху, а потом успокоилась. Пусть живут, как хотят.

Николай старался не спорить с женой. Маринка им правила, и он лишний раз молчал, зная строптивый характер супруги.

Да и Мария чувствовала, что оказалась обузой. Забот на работе сыну хватало, оттого и матери времени уделял мало. «Жизнь такая — не мы такие», — повторяла Мария. Все бегом, бегом в погоне за копейкой. И оглянуться некогда. Боязно. Вдруг потеряешь возможность заработать. Все это она понимала. Да еще Маринка начала заводится по пустякам. Начали ссориться с Николаем на ровном месте. Мария переживала. Попыталась поговорить с сыном.

— Пройдет, мам, не беспокойся!

«Мне бы крайней не остаться»,— думала Мария, но к молодым не лезла — пусть сами разбираются.

Николай возвращался с работы поздно, принимал душ, ужинал и уходил в комнату. Разговоров с матерью избегал то ли от боязни заговорить об отце и разбередить ее душу, то ли действительно уставал и ложился спать.

Отвлекаясь, Мария часто примеривалась к внучке и сильнее убеждалась — не в их породу пошла, видно, Маринкина захлестнула. Ей интересно было следить за Ритой. Вспоминала себя в этом возрасте.

тои. Вспоминала себя в этом возрасте.

У Риты одна забота — от «Нокиа» взгляд не поднимает и только и слышно — «Эйвон» помаду да тени выпустил. У нее в Ритином возрасте другие были...

...После смерти отца сестрам досталось поровну: первокласснице Нине поручили приносить дров на три печи — на русскую, на голландку и на «контрамарку» — круглую печь, обтянутую железом, стоявшую посреди дальней комнаты; Рае досталась работа по кухне.

Ремзавод обязательства по отношению к сиротам исполнял вовремя. Когда завозили угля и дров, приходил работник и стаскивал их в углярку. Корм для коров и овец сваливали перед оградой. Но даже при помощи работы по хозяйству, возложенной на Марию, хватало изрядно. Из стайки назем вычистить, скотине на ночь сена задать, по ведру жома поднести. Иной раз бабка Потаниха жалела сиротку и отправляла своего сына Серьгу (ее погодку) помогать вывозить навоз. А потом она шла и помогала Серьге.

У Потаниных огород под уклон. Нагрузят полный капот от «зилка», приспособленный под возку помета, сверху бычью шкуру постелют, и радости больше, чем на наземе под горку скатываться, не найти.

Однажды весной строгая баба Лена (она велела — нужно выполнить) уехала в Кучук к родственникам. Разыгралась метель, и она припозднилась. Тогда Марии пришлось первый раз доить корову. Рыжий телок с белой звездочкой на лбу с тупыми рожками жалобно и надрывно мычал в загоне. Мария взяла литровую эмалированную кружку и подступилась к непослушной Зорьке...

Учились понемногу хозяйничать. Баба Лена по выходным затевала стряпню. Налепит булочек, а когда теста немного оставалось, вдруг взмахивала руками:

— Меня ж Потаниха звала, давление ей смерить нужно. Я мигом. Если задержусь, достряпайте. Яичком смажьте и в печку. Да смотрите в оба! А то пригорит. Переворачивайте противень.

Уже тогда интуитивно в маленькой девочке зарождалась та родительская любовь, недополученная ей, заставлявшая ее крепко обнимать младшенькую Нину и петь колыбельные, учить сестру выговаривать букву «р». Произносить не «улиса» и «куриса», а нормально — «улица» и «курица». И радоваться, и смеяться вместе, когда Нина, завидев друга отца Сергача, кричала ему:

— Дядя Се-р-р-р-ежа, тр-р-р-рактор-р-р!

И эта «р» раскатисто летела по улице, звонким детским голоском шлепала по ушам и получалась настолько длинная, насколько широко растягивалась улыбка на лицах присутствующих.

На собрание к Рае и Нине ходила тоже Мария. Напускала строгий вид, хмуря брови, внимательно слушала наставления и замечания и по дороге от школы до дома старалась их не забыть и передать слово в слово бабе Лене...

- ...Бабуль, нам тут древо семьи задали сделать! Рита, жуя жвачку, дула на недавно накрашенные ногти.— Не поможешь?..
  - Чего еще выдумали?..
- Ну, надо рассказать о предках! Вкратце. Год рождения, чем занимался. Ну, ты поняла!
  - Кто вас мучает?..
  - Училка по обществознанию. Вторая с начала учебы пришла!
  - Чего они у вас, как штаны на глисте?
  - В смысле?
  - Говорю, почему не задерживаются?..

Внучка пожала плечами:

— А я почем знаю! Говорят, денег мало платят... Первая, Лариса Анатольевна, в торговый центр трусами устроилась торговать, а говорила, уезжает в другой город.

- Ладно, с кого начнем?
- Про дедов я немного знаю. Давай с прадедов!

Мария вдруг улыбнулась.

- Ты чего, баб? спросила Рита.
- Вспомнила, когда отец твой родился, Наталье пять лет исполнилось. Она с дядей Васей приехала на сенокос за отцом и пока бежала к нему, кричала: «Папка, братишка-Гришка родился!»
  - Братишка-Гришка, забавно! улыбнулась Рита. Отцу бы пошло!
  - Ты записывать будешь или запомнишь? продолжила Мария.
- По отцовской линии прабабушка Анастасия Тимофеевна и прадед Иван Яковлевич... Они с Рогозихи. Баба Тася поваром работала, дед Ваня мастером леса. После войны дед Ваня окончил Бийский лесхозтехникум. По распределению за Обь в поселок Партизанский направлен на работу. У деда твоего три брата. Сергей старший, он в Рогозихе родился, Александр, Василий и Михаил уже за Обью. Баба Тася однажды призналась Мишу тяжело рожала. Говорила: «Неправильно пошел». Дед Ваня посадил ее на лодку, и они поплыли к повитухе в ближайшую деревню. Надорвалась она тогда, но, слава Богу, родила. А когда обратно плыли, каялась, хотела грех на душу взять утопить сына в реке. Думала, не нужен четвертый мальчишка, девочку ждали. Но дед Иван Яковлевич не дал. Прикрикнул на нее, напугалась Анастасия Тимофеевна шибко, а потом разумом дошла, чего сотворить хотела. Иван Яковлевич чувствовал, доброе сердце в маленьком комочке, да и нагляделся он за войну этих смертей долго во снах убитые снились. А случись грех и кто знает, и вы бы не родились.
  - А Партизанский далеко?
- От Боровиково на пароме через реку. На берегу Инюшки несколько кордонов лесничих стояло. Миша рассказывал, без света жили, по нужде в траву, говорит, присядешь обязательно ужонка спугнешь, а Иван Яковлевич однажды рано утром на работу встал, а на печи гадюка греется. Хорошо ребятишки еще спали. Он их по одному с печи снял, в комнату перенес на руках...
- Бабуль! Бабуль! Ты расскажи, с дедом долго дружили? Рита записала несколько предложений в тетрадь.
- Да какой там дружили! Я Натальей забеременела, а его в армию взяли. Перед родами вызвали. Ивану Яковлевичу, как фронтовику, в военкомате на уступку пошли. Летом свадьбу сыграли. А через месяц Васька заблажил, мол, Валька беременна. Анастасия Тимофеевна Ваську пуще всех любила, со сберкнижки деньги сняла, и им свадьбу сыграли, дом по Красному Алтаю купили. Людей не обманешь, посмеивались: «Васькина женушка уж двадцать лет «носит», родить до сих пор не может!» Позже они девочку с приюта взяли черноволосую, кудрявую, похожую на Ваську, но уж чересчур смуглую, точно не в поповскую породу. Александр тогда на отца обиделся, свадьбу сыграл с родителей ни копейки не попросил. Я помню ту зиму, одну картошку да капусту квашеную ели.
  - Свадьбу сыграли, а дальше? Рита натолкнула ее на забытую мысль.

В голосе Марии, увлеченной рассказом, слышались грустные нотки.

- После свадьбы у свекра осталась жить. Михаил в армии. Наталью в сентябре родила. В новой семье большой любви не чувствовала. Не раз просилась к бабе Лене обратно. Но баба не жалела, назад отправляла:
  - Живи у свекра! Будь на виду! А то начнут говорить...

Дом у Поповых холодный оказался. Вместо фундамента — завалинка из опилок. Печка одна русская без водяного отопления. За печкой в маленькой комнате спали Иван Яковлевич с Анастасией Тимофеевной — в ней теплынь. В зале Сергей с Лю-

бой и годовалым Женей разместились, а я в дальней комнате, с Натальей. В валенках по дому ходили, обогреватели не спасали. Забот хватало: меня оставляли с детьми, а еще мужики на обед придут — накормить надо, убраться, пеленки постирать. Раз, когда все разошлись, дочку унесла за печку, погреться, повошкаться распеленованной. В тот момент вернулся Иван Яковлевич, — документы дома оставил. Увидел Наталью в их комнате — ничего не сказал. А вечером заявил Анастасии Тимофеевне, что спать они будут отныне в дальней комнате. А меня с дочкой переселили в маленькую. Ох, и противилась же тогда свекровь...

Рита слушает внимательно.

- Запоминай, внученька! По отцовской линии закаленные судьбы до сих пор от них жар идет, кажется, только из кузнецкой печи достали. Дотронешься обожжешься. А они за землю родную боролись ухо приложишь до сих пор стонет.
  - Деда Ваня мне прадед. А прапрадед кто?
- Поповы пришлые казаки с Урала. Яков деда Вани отец, четырежды Георгиевский кавалер, бежал от большевиков на Алтай. Но и здесь его нашли, и в тридцатых годах, отобрав заслуженные регалии, шашку именную, отправили в ссылку в Приморье на угольные шахты. Осталась Лукерья жена его с пятью малыми детьми. Говорят, Яков писал жене из ссылки. В письме звал ее ехать на поселение, но Лукерья женщина малограмотная, но по-женски рассудительная, пожалела малых дитяток и осталась на прежнем месте, наверное, боялась неприятностей, да за детей переживала. Да и против дороги высказался свекор, дед Акат, оставшийся жить со снохой и внуками и отговоривший Лукерью уезжать.
  - Ну, а потом? Яков вернулся?!
- Сгинул в чужой земле. Из Рогозинских мужиков кто-то возвратился, рассказал... Дед Ваня старший из детей. Вся помощь матери во многом легла на его плечи. Позже случилась война. Ранение, контузия, долгий период в госпиталях, но домой вернулся.
  - А про баб Тасиной линии?
- Только про деда Тимоху знаю. Анастасии Тимофеевны отец. Про него в газете районной писали. Их семерых зажиточных кулаков из села репрессировали. В лагеря под Магадан отправили. Он рассказывал: дочка начальника лагеря на него глаз положила и определила работником на кухню. Он картофельные очистки воровал и ел. Если бы не она, говорит, помер бы. В пятьдесят третьем после смерти Сталина вернулся.

А в девяносто первом, при Ельцине, приказ пришел — амнистия. А бабка Серафима с пятью ребятишками осталась, когда его репрессировали. Тяжело же одной, с мужичком сошлась — дочку от него родила. А когда дед Тимоха вернулся — ему под шестьдесят стукнуло — еще двоих родили: дядь Толю и тетю Олю. Мы часто к нему ездили. Выйдет с костылем, на лавочку присядет, перед смертью не узнавал уже многих.

- А по твоей, бабуль, линии, кто у нас?
- Ну, про прадеда Петра ты знаешь, трактором придавило... Мать его старенькая, Домна, коротала деньки на соседской улице. Я бегала к ней с горки отогреваться. Она угощала меня горячим чаем с конфетами и, с трудом передвигавшаяся по избе, рассказывала про свою нелегкую долю и уговаривала остаться. Я оставалась конфет-то еще целый кулек. А раз прибежала, а она конфет не успела купить и не стала у нее ночевать. Она сильно обиделась.

У Домны сыновья как на подбор — красавцы: фотки у меня лежат. Старший смуглый, в фуражке с красной звездой, в кожаной тужурке. Домна говорила, комиссаром служил. Второй — летчик, третий — танкист. Отец наш самый младший. Дом-

не на трех сыновей в один день похоронки пришли. Ноги сразу отказались ее слушаться. Зубы выпали. Зато волос черный, ни один не поседел!

После войны мужики, отправляясь на работу, уносили ее за деревню, закапывали в горячих песках, она отогревалась, а вечером откапывали обратно. И ей помогло. Поднялась на ноги. А потом ее из Родино в Павловск перевезли... До сих пор стоит в памяти — с «жуковой» косой, плохо ходившая, с грустью в глазах. Видно, смилостивились над ней небеса — раньше прибралась, за год до гибели сына...

К Рите пришли подружки. Они закрылись в комнате, громко разговаривали и смеялись. Мария же прилегла на свой диванчик и окунулась в прошлое, воскресив в памяти светлые луга, дни страды, когда тело ломило от устали, а душа летела...

...Перед ней возник высокий сочный костер, жмущийся к мелким озеркам на левой стороне Касмалы. В затянутых тиной и ряской болотинах, окруженных раскидистым ветляком, плещется то ли рыба, то ли выдра, сразу и не разберешь. Она вздрагивала, резко оборачивалась на звонкий всплеск воды и созерцала расходящиеся в разные стороны круги. Зато в реке точно рыба: чебак сверкнул чешуей, щука, подобно субмарине, бороздящей прибрежные воды, оставила на поверхности свойственные ей рассекающие следы, разогнав водомерок. Рядом в густой сочной траве мелькнуло черное пятно — тут же кровь прилила к голове, и подумалось: «Гадюка!» Их на сенокосе видимо-невидимо. Одна так и красуется — висит без башки, перерубленная острой литовкой, на кустах калины, напоминая: сапоги резиновые обула? Но, заметив желтое пятнышко у ползущего гада, смело выдохнула — ужонок прорывается к воде. Чуть горьковатый аромат пижмы и тысячелистника висит в воздухе, словно застывшая туманная дымка, опустившаяся ночью на сенокосные поля и исчезающая на глазах.

Свекра Ивана Яковлевича усаживают в резиновую лодку и вместе с едой, котелками, литовками и всяким другим скарбом сыновья (все четверо) переплавляют отца на ту сторону Веселенького. Приходит черед женщин. Они визжат, смеются, брызгают водой. Мужчины, раздевшись, втягивая животы от прохладной водицы, преодолевают препятствие вброд.

Белый, в черную крапину, конь, отмахиваясь хвостом от надоедливого овода, бьет копытом о землю, мотает головой вверх-вниз, недовольно фыркает, обнажая ряд крепких желтых зубов, ждет своей очереди. В воду идет неохотно, упирается, но, подстегиваемый Михаилом, сдается. От крупа коня тьма гнуса поднимается вверх, продолжает следовать за ним, снова атакуя его на другом берегу.

Копны подвозят к стогу. Женщины скирдуют. Валю и Любу снимают, остается Мария — у нее лучше других получается вершить стога. Главное — не забыть подсолить середку, верхушку, а то начнет сыроватое сено преть, и весь труд насмарку. Еще придавить бастрыками, связав их веревкой, а то ветер иной раз напроказничает.

К обеду один стог сметан. Иван Яковлевич завет обедать. В котелке дымится каша. Марии нравилась именно пшенная каша на молоке с картошкой и сливочным маслом, приготовленная свекром на костре.

Пот льется градом. Косынка прилипает ко лбу. Тело, наколотое сухим сеном, зудит, и невмоготу хочется окунуться в теплую Касмалу, смыть усталость. Но купания будут позже, а сейчас свекор торопит...

Норовя пропороть прожорливое брюхо острыми рифами сосен, над рекой нависла сизая туча, чуть светлей приобской ежевики, похожая на зубастую акулу.

Иван Яковлевич и рад бы взяться за вилы, но в Великую Отечественную войну контужен, отчего наступила частичная глухота. Получил ранение в грудь осколком, вылетевшим через спину и оставившим дырку глубиной и шириной в два пальца.

- После рука правая еле поднималась, и не работали два пальца указательный и большой.
- С правой стороны закругли, торчит! командует Иван Яковлевич.— Серега, соль неси! Давай быстрей, сейчас ливанет! Бастрык крепи!

Из зубастой пасти раздаются рокочущие раскаты грома. Туча- хищник натыкается на риф — сосну, и ливень идет сплошной стеной.

— Мишка, иди, снимай ее!

За шумом дождя голос свекра еле слышен. Кофта и трико вмиг промокли до нитки, и Мария скатывается вниз и попадает в крепкие объятия мужа...

4

По утрам, проводив сына и сноху на работу, а Ритку в школу, Мария выходила на улицу погулять. Завела общение с дворничихой, жившей в их подъезде, только этажом ниже. Раз излила ей душу, и вроде бы немного успокоилась, но искреннего человеческого сострадания от собеседницы не почувствовала.

- Ты веришь, Надь, ему в последнее время ничего не хотелось! Верно подмечали, непутевый он мне достался. Но добрый. И справедливый. Не наживной, правда. Из вещей ценных оставил рубанок да бензопилу. Можно подумать, знал, в другой мир ничего не взять. Железки берег, говорил, может в хозяйстве пригодятся, а вещи всякие мог потерять или подарить. Окна заказала пластиковые взъерепенился! Говорит, деревянные еще лет пять продюжат. Через них считал, дышать легче. А кухонный гарнитур ему понравился. Без спора взяли.
- Дворничиха Надька, в меру пьющая бабенка, чуть помладше Петровны, с вечно накрашенными алой помадой губами, орудуя метлой, хмыкнула:
  - Какой-то он у тебя инфантильный. Ни че не надо. Пил, поди?
- Да-к, попивал. Не без греха. Мужик на селе постоянно пил, кто с устатку, кто от безделья, кто для праздника на душе.
  - A твой?
- Да мой Миша больше с устатку, ну и для праздника тоже случалось. В основном, с братьями умаются на сенокосе, а потом нагрузи да скидай. К работе они с детства приучены. Постоянно скотину держали. У него здоровья мало стало, оттого живность и свели. А дома все руками его сделано!
  - Мирно жили? спросила Надька.
- Всякое бывало! В любом состоянии, но домой приходил ночевать. В два в три ночи слышу, лошадь заржала, значит, Миша мой дома. То пса выпущу, он мне его найдет. Раз вилкой его колола, до того он мне печенку проел, возьми да ткни его. В сердцах, конечно. Потом жалела, прощенья просила.
- Бил, поди? допытывалась Надька.— Я третьего, руку только поднял на меня, сразу выпроводила!
  - Третьего? удивилась Мария.
- Да, представь! Мы с ним два года хорошо жили, а потом началось! Первый-то, Серега, от меня ушел. Зараза, до сих пор его не забываю.
- А мы с Мишей до сорока лет чуть-чуть не дотянули. А бить не бил. Поедет травку подкосить лошади на вечер, таволги мне полевой нарвет. Знаешь, и не розы, а приятно!

Надька в ответ то ли разозлилась, то ли позавидовала — с первого раза и не разобрать:

брать:
— С одним и сорок лет проживешь, хорошего не увидишь, а с кем-то и два года полных впечатлений. Мужики разные! А ты, Машенька, мой тебе совет — найди

мужичка, не забывай о себе. Ты посмотри, мы с тобой еще ягодки! Нам еще жить да жить!

После беседы горький осадок остался на душе у Марии. Вроде и выговорилась, успокоилась ненадолго, а вся та тоска, копившаяся в душе, задавила с новой силой.

Мария окунулась в размышления после разговора с дворничихой. Глядя в окно за Надькиными небрежными движениями, сказала тихо, боясь, вдруг та услышит:

— Уж Мишу я не предам!

Разворошила в памяти, когда один-единственный раз Михаил не пришел домой ночевать. В любом состоянии объявлялся — в час, в два ночи появится или лошадь привезет, а той ночью никто не постучал в ворота.

Сомнения закрались у Марии, когда муж не встретил ее с работы. Пришла домой — двери настежь (в конце зимы дело было), лошади в стайке не видать. Протопив печь, уставшая, заглянула к соседям, обежала поселок — не видели. По вещам на вешалке определила в чем уехал. Нарядился в новое — тулуп, шапка из чернобурки, валенки на подошве, купленные специально на выход.

Чуткий сон у Марии. При каждом шорохе чудилось вдалеке «Эх, дороги!». Тогда, накинув поверх ночнушки фуфайку и наспех надев на босу ногу обувь, выходила за ворота, долго всматривалась в темноту, выискивая знакомый силуэт, и, не дождавшись, уходила в дом. Разные мысли одолевали ее: представляла мужа в объятиях чужой женщины, боялась, вдруг замерзнет или пырнут ножом в драке.

Утром раздался звонок. Долго не брала трубку. Но решилась — звонила из соседней деревни знакомая, сообщила, мол, видела во дворе у местных цыган их лошадь, предупредив сразу:

— Машка, если хочешь ее застать, приезжай скорей, а то вчера уже ходили по деревне продавали.

Собравшись, Мария пешком прошла до трассы добрых три километра и на попутке добралась до Жуковки. Плутала по улицам, пока ее не встретила Люба, звонившая утром и проводившая ее до места, рассказав по пути о бардаке, творившемся в доме у цыган,— каждый день то поножовщина, то даже до стрельбы иногда доходит.

Свернули в глухой проулок — длинный деревянный барак на две половины, по окна вросший в землю, отпугивал видом. Колорит добавляла нежилая вторая часть с разбитыми окнами, недавно горевшая. Лошадь, понурив голову, стояла покрытая изморозью в дальнем углу ограды. Мария толком не помнила, как оказались в продымленной маленькой комнатке, отыскивая среди десятка бормочущих в пьяном угаре мужиков своего ненаглядного, как выведя его на улицу и уложив в сани, благодарила сердобольную женщину.

Очнулась далеко за деревней, в полях. Сани кидало из стороны в сторону и, бросив взгляд на круп лошади, Мария поняла — отсутствует сбруя, которую Михаил ползимы выделывал заклепками. Вожжи волочились по снегу, но Манькой не приходилось управлять — чувствуя сторону дома, гнедая бойко бежала по знакомой дороге, завернув голову вправо.

Оглядываясь назад, на спящего в санях мужа, Мария не сразу уловила (осознала) в его облике изменения. Перед ней лежал вылитый цыган — в шляпе с широкими краями, в кожаной затертой куртке на молнии, а на ногах — стоптанные кирзовые сапоги.

Плакала от счастья — живой оказался. После накинулась на него в сердцах за ее переживания, за бессонную ночь, жалея новые вещи. Михаил бессвязно пытался оправдываться, мол, погорельцы, захотел помочь, тулупчиком мальчишку малехонького накрыл — спать ему теплей будет. А с тезкой цыганом, хозяином шалмана, побратски обменялись головными уборами, на память.

Несколько раз она сгоняла его с саней и отправляла обратно забрать вещи, но Михаил лишь виновато улыбался.

Приехав домой, гоняла мужа, заставляя управляться и топить баню. А потом оттаяла. Вечером мыла его, точно маленького ребенка, радуясь, что обошлось без неприятностей, зная — счастье и несчастье за ручку рядом ходят.

Так и жили: Михаил раздавал, а она его караулила; загуляет ли, дом открытым оставит, боялась — вынесут последние вещи. При жизни ворчала на него, а сейчас, будь Михаил жив, обняла бы и рассказала ему многое:

«Мишенька, плохо, пусто и одиноко стало в доме. Бросила наш уголок. За сорок лет привыкла — встречаешь меня из центра. Храню в памяти: возьмем бутылочку, отолью от нее половинку, остальное спрячу в сенцах. Боялась, вдруг сильно захмелеешь. А ты ее находил и «приговаривал». Ходил по двору да посмеивался надо мной. Газету покупаю редко, уж извини, зрение никчемным стало. Из гостей уже не спешу, некому оставлять двери настежь».

## യ്യായു